

Как только раздался голос, лицо Сяо Эра мгновенно изменилось.

Даже не глядя на его выражение, Оуян и остальные смогли по словам определить, кто это — мать Сяо Эра, которая зашла внутрь отдать одежду.

Неизвестно, что сказала та старуха Лю, но мать Сяо Эра издала странный крик, и в доме тут же раздался грохот, явно указывающий на то, что кто-то подрался, возник спор.

— Мама, что ты делаешь?! — Сяо Эр не мог войти в дом, чтобы разнять драку, поэтому лишь прыгал на месте снаружи, крича.

— Эта бесстыдная старуха хочет присвоить нашу одежду! — Мать Сяо Эра тут же ответила из дома, но её слова прервались очередным воплем. Похоже, дети в доме тоже пострадали, испугавшись и начав плакать.

Лю Большеглазый, который уже вышел из дома вместе с Люлюй и другими, тоже заволновался. Но в доме дрались две старухи, а за дверью стояла группа важных персон. Поэтому, даже если это была его родная мать, он не мог войти и вмешаться.

Оуян усмехнулся и повернулся к Таохун, которая стояла рядом:

— Возьми двух женщин и зайди внутрь, чтобы старуха Сяо не пострадала.

Своими словами Оуян ясно обозначил свою позицию. Таохун, поняв его намерения, тут же выполнила приказ, повела за собой двух крепких женщин, и они ворвались в глинобитный дом.

Крики внутри дома резко усилились, но затем раздалось два звонких хлопка, и мир вокруг мгновенно затих.

Вскоре Таохун вывела мать Сяо Эра наружу. За ней следовали две женщины, каждая из которых держала в руках несколько комплектов одежды.

Лицо Лю Большеглазого тут же изменилось.

Мать Сяо Эра выглядела здоровой и спокойной. Те два звонких хлопка явно не были пощёчинами, которые она получила.

Прежде чем Лю Большеглазый успел подойти и спросить, из дома раздался пронзительный крик, за которым последовали громкие рыдания, полные энергии, с перепадами тона, напоминающими пение в опере.

Лю Большеглазый явно облегчённо вздохнул, после чего смущённо улыбнулся и посмотрел на Сяо Эра.

Но Сяо Эр сейчас был не в настроении обращать на него внимание. Он быстро изобразил такую же смущённую улыбку и поклонился Оуяну:

— Прощу прощения, что вы стали свидетелем этого.

— Следующий дом, поторопитесь. — Оуян равнодушно подгонял их, затем повернулся к Таохун:

— Возьми связку медных монет, чтобы одежда старухи не пропала зря.

Одежда, которую вынесли женщины, была повреждена, явно в результате драки между двумя

старухами. Оуян не стал игнорировать это и продолжил своими действиями показывать поддержку действий матери Сяо Эра.

Мать Сяо Эра, однако, испугалась и поспешно замахала руками:

— Это не стоит так много, не стоит...

Она не успела назвать реальную цену, так как Оуян уже повернулся и начал уходить, оставив её и дом семьи Лю Большеглазого позади.

Видя, что её скромность осталась незамеченной, мать Сяо Эра с досадой опустила руки и про себя подумала: «Вот это действительно богачи!»

Тем временем Таохун уже взяла связку медных монет у слуги, который носил кошелёк, и с улыбкой вручила её матери Сяо Эра.

— Если господин сказал дать, то спокойно берите. А излишек считайте подарком от него.

— Тогда спасибо вам, благодетель. — Мать Сяо Эра усмехнулась и с готовностью приняла монеты.

Таохун повернулась, собираясь догнать уже ушедшую группу, но мать Сяо Эра схватила её за рукав.

— Девушка, подожди. — Мать Сяо Эра сунула монеты за пазуху, затем быстро сняла с себя плащ и вручила его Таохун:

— Сделай мне одолжение, отнеси эту хорошую вещь моему сыну, чтобы он не замёрз.

Таохун слегка удивилась, невольно прикусив губу.

В отличие от Люлюй, у которой были оба родителя, Таохун была продана в дом Оуяна в возрасте девяти лет. К настоящему моменту она уже даже не помнила, как выглядели её родители. Помнила лишь, как мать обняла её и горько плакала накануне того дня, когда её увёл торговец людьми. Но на следующее утро мать без колебаний вытолкнула её из дома.

Таохун не скучала по своим родителям. Когда они отдали её торговцу людьми и получили за это мешок зерна, она решила порвать с ними все связи, раз и навсегда.

Но, видя, как мать и сын из семьи Сяо проявляют заботу друг о друге, Таохун невольно почувствовала зависть и сразу же согласилась выполнить просьбу. Она протянула матери Сяо Эра свою грелку для рук с улыбкой:

— Вы тоже берегите себя, не замёрзните, чтобы ваш сын не волновался.

— Это... — Мать Сяо Эра взяла грелку, слегка смутившись.

Грелка была медной, довольно тяжёлой, и работа была качественной. Взяв её в руки, мать Сяо Эра почувствовала, что она словно «обжигает».

— Возьмите её пока, а вернёте мне при следующей встрече. — Таохун спокойно сказала:

— Мы обязательно ещё вернёмся.

Таохун не могла снять свой плащ и отдать его матери Сяо Эра. Одежда, которую они носили на выходах, была строго регламентирована, и они не могли произвольно её менять. Более того, эти вещи не принадлежали ей лично, даже если она их носила. Но грелка была куплена на её собственные деньги, и она могла распоряжаться ею как хотела.

Мать Сяо Эра приняла объяснение Таохун, с радостью поблагодарила её и отправилась домой.

Таохун же повернулась и, держа плащ, который сняла мать Сяо Эра, быстрыми шагами догнала Оуяна.

Оуян уже успел отойти на приличное расстояние от дома Лю Большеглазого.

Когда Таохун вернулась к Оуяну, она услышала, как он приказывает Хуан Пэну:

— Запиши эту семью. А после возвращения во дворец напомни мне перевести их в свободные люди и переселить в другое место.

— А? — Сяо Эр, стоящий рядом, не ожидал, что семья Лю Большеглазого будет изгнана из Императорского поместья всего лишь из-за этой суматохи. В изумлении он забыл следить за своими словами.

Взгляд Оуяна тут же устремился на него. Он поднял бровь и спросил:

— Есть какие-то возражения?

— Нет... нет! — Сяо Эр поспешно замотал головой.

Согласно правилам, оставшимся с прошлой династии, арендаторы в Императорском поместье фактически были рабами, хотя их нельзя было просто так продать или выгнать, как обычных слуг. Попасть в Императорское поместье тоже было непросто, так как, несмотря на эксплуатацию, там был императорский контроль. Даже если люди не могли насытиться, их никогда не оставляли умирать с голоду. Ведь одно только слово «неудача» могло привести к гибели множества людей.

Именно поэтому большинство арендаторов в Императорском поместье не думали о том, чтобы уйти, предпочитая поколениями быть рабами императора, чем стать свободными крестьянами.

— Не совершай зла, даже если оно кажется малым, и не потворствуй злу, даже если оно незначительно. — До этого момента Оуян не был недоволен Сяо Эром, поэтому решил дать ему несколько советов:

— Сегодня эта семья посмела присвоить вашу одежду. Завтра они осмелятся позариться на вещи императора и протянуть свои руки к его поместью! Запомни, что такое «малое наказание для большого предупреждения» — это наказать их до того, как они совершат серьёзное преступление, чтобы они больше не осмелились и не смогли его совершить. Кроме того, служа императору, самое главное — избегать жадности. Как в отношении себя, так и в отношении других. Никогда не бывает так, чтобы ты строго относился к себе, а к другим — снисходительно!

Короче говоря, не потакай их слабостям!

Сяо Эр понял лишь часть советов Оуяна. Но слова «служить императору» сразу же дали ему опору.

«Это Императорское поместье, и я — управляющий императора!»

Сяо Эр тут же выпрямился, и его улыбка стала ещё искреннее.

Таохун воспользовалась моментом и передала Сяо Эру плащ, который сняла его мать, чтобы он снова надел его.

Люлюй же спросила:

— У управляющего Сяо в доме только одна старуха?

На самом деле ситуация Сяо Эра и других управляющих уже была записана и передана Оуяну. Люлюй помогала Оуяну с сортировкой, и она точно знала, что в доме Сяо Эра были только он и его мать. Но бумага — это одно, а люди — другое. Тридцатилетний мужчина, не женатый и без детей, живущий только с матерью... Если в этом нет скрытого смысла, то это слишком странно!

[Примечания переводчика отсутствуют]

<http://bllate.org/book/16203/1454526>